

Драматическіе
СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ
Н. А. ПОЛЕВАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.
—
1849.

891.7P1584

M

V.2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 1-го Августа 1842 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

27474 E

4000

APR 14 1953 LD.

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

МЪЛЪНКА КОЛДУША,

ОБМАНЩИКА и СВАТА.

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СУМАРОКОВЪ, со-
чинитель.

ВАСИЛІЙ КИРЕЛОВИЧЪ ТРЕДЬЯКОВСКІЙ, со-
чинитель.

ПЕТРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ЖУКОВЪ, сочинитель.

АННА ИВАНОВНА, воспитанница Сумарокова.

АЛЕКСАНДРЪ ОНИСИМОВИЧЪ АВЛЕСИМОВЪ,
переписчикъ стиховъ у Сумарокова.

БОГДАНЪ БОГДАНОВИЧЪ КНИНЕРЪ, содержа-
тель вольнаго театра въ Петербургѣ.

Слуга Сумарокова.

Дѣйствіе въ Петербургѣ, въ квартирѣ Сумарокова,
неподалеку отъ театра Книперова.

Комната, убранная порядочно. — Направо огромный столъ съ книгами и бумагами. Прямо и лѣво двери.

ЯВЛЕНІЕ I.

КНИПЕРЪ АБЛЕСИМОВЪ (входитъ).

КНИПЕРЪ.

Я вамъ говорю, патюшка, что этого никто не знаетъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Ахъ! какъ я радъ...

КНИПЕРЪ.

Вы рады, а я не совсемъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Отъ чего такъ?

КНИПЕРЪ.

Отъ того, патюшка, что издержался на обстановку, а Богъ знаетъ, наградить ли меня сборъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

О, вѣрно!

КНИПЕРЪ.

Одна борода для Мѣльникъ стала мнѣ чуть не сорокъ алтынъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Что тутъ сорокъ алтынъ!...

КНИПЕРЪ.

Мѣльница стала 2 рубля 50 копѣйка!

АБЛЕСИМОВЪ.

Она намелетъ въ твой кошелькъ денегъ.

КНИПЕРЪ.

А если нѣтъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Повѣрь же, Богданъ Богданычъ!

КНИПЕРЪ.

Я вѣрю, патюшка, да мнѣ чудно одно только: если вашъ оперетта такъ хорошъ, для чего же вы скрываетесь отъ всѣхъ? Для чего не скажете Александру Петровичу?

АБЛЕСИМОВЪ.

Ахъ! ему-то и не надобно говорить!

КНИПЕРЪ.

Это значить все дѣло вверхъ ножками пошло. Во-первыхъ, онъ узнаеть и можетъ осердиться...

АБЛЕСИМОВЪ

Успѣхъ примирить меня съ нимъ.

КНИПЕРЪ.

Во-вторыхъ, слова и покровительство такого великаго поэта могли бы защитить васъ отъ критикъ. У насъ, и вездѣ, многіе выѣзжали, когда хватались за хвостъ какойнибудь знатный человѣкъ, или великій поэтъ.

АБЛЕСИМОВЪ.

Никогда, никогда не рѣшусь на такія средства!

КНИПЕРЪ.

Очень напрасно. Гибкая спинка и ловкая ножка — одна погнется немножко, а другой шаркнетъ немножко. — О, это для молодого сочинитель очень не дурно...

АБЛЕСИМОВЪ.

Ты не поймешь меня, любезный Богданъ Богданычъ, если я стану объяснять...

КНИПЕРЪ.

Чего тутъ не понимать! Слава Богу, на мои плеча не кадушка приставленъ, а голова съ мозгомъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Ты начинаешь сердиться, Богданъ Богданычъ?

КНИПЕРЪ.

Будешь сердиться, когда кошелекъ грозитъ бѣда! Въдь всякой пьесъ, какъ хлопнетъ, такъ директоръ театра лучше будетъ по щека хлопнетъ.

АБЛЕСИМОВЪ (съ жаромъ).

А каково въ то время сочинителю, безчув-

ственный? Что тебѣ за бѣда? — Паденіе моего Мѣльника принесетъ тебѣ убытку нѣскольکو рублей, а для меня убьетъ оно мою славу, мое счастье, любовь, жизнь — все, все... кромѣ того, что ужь самое ожиданіе, страданіе до самаго успѣха.... О, это мученья, которыхъ не понять никому, кромѣ того, кто былъ драматическимъ писателемъ...

КНИПЕРЪ.

Слава, счастье, любовь — все, все... Что такое? (*въ сторону*) Право, всѣ сочинители такъ немножко дураки. Если бы можно было самимъ директорамъ писать...

АБЛЕСИМОВЪ.

Кто-то идетъ! Уйди, уйди поскорѣе, Богданъ Богданычъ, чтобы насъ вмѣстѣ не увидѣли, чтобы не замѣтили...

КНИПЕРЪ.

Но, я хотѣлъ вамъ поговорить — мнѣ надобно спросить васъ....

АБЛЕСИМОВЪ.

Послѣ, послѣ... (толкаетъ его вонъ).

ЯВЛЕНІЕ 2.

ТѢ ЖЕ И АННА ИВАНОВНА.

АБЛЕСИМОВЪ (останавлива-
етъ Книпера).

А, это свои! Отъ нея нечего скрыватьсѣ....
Ахъ, передъ ней все открыто — все, и серд-
це, и тайны мои....

КНИПЕРЪ.

Такъ барышня участвуетъ въ нашемъ се-
кретѣ?

АННА ИВАНОВНА.

Въ томъ, что онъ вамъ отдалъ пьесу свою?
Ахъ! какъ я вамъ благодарна, Богданъ Бо-
гдановичъ! Какая милая пьеса! — Посмотрите,
сколько будетъ вамъ барыша!

КНИПЕРЪ (въ сторону).

Она знаетъ? А, тутъ есть шашки немнож-

ко! — Но я боюсь, что Александръ Петровичъ узнаетъ, а онъ такой сердитый...

АННА ИВАНОВНА.

Скажите, нравится ли вамъ опера Александра Онисимыча? Не правда ли, что она премиленькая? Не правда ли?

КПИПЕРЪ.

Я этого не знай, сударинь — у меня всегда та пьесъ будетъ хорошъ, который сборъ даетъ.

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ! какой вы корыстолюбивый!

АБЛЕСИМОВЪ.

Вздоръ! Онъ самъ хвалилъ мою пьесу... Слушайте, Богданъ Богданычъ — идите вы къ себѣ, а я тотчасъ къ вамъ буду, тотчасъ! *(тихо)* Онъ можетъ опечалить мою милую Аннушку... *(громко)* Идите, идите, Богданъ Богданычъ... Я тотчасъ за вами.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ТЪ ЖЕ, БЕЗЪ КНИПЕРА.

АННА ИВАНОВНА.

Что онъ такой сердитый? Развѣ ему не нравится ваша пьеса?

АБЛЕСИМОВЪ.

О, нѣтъ! Да, они всѣ, знаете, такіе уро-
ды... Анна Ивановна...

АННА ИВАНОВНА.

Боже мой! Если вамъ въ самомъ дѣлѣ бу-
детъ неудача, Александръ Онисимовичъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Не ужели вы тогда меня разлюбите?

АННА ИВАНОВНА.

! Ахъ! какъ вамъ не стыдно!... Но что жъ
тогда! наша свадьба? Что скажетъ мой опе-
кунъ...

АБЛЕСИМОВЪ.

Анна Ивановна, Анята, Аннушка, милая

моя, безцѣнная Анна Ивановна! я тогда напишу прѣсу еще лучше, еще замысловатѣе... Да, вѣдь ты сама читала ее, ты хвалила...

АННА ИВАНОВНА.

Да, что жь мнѣ не понравится, что дѣлаетъ мой милый Александръ Онисимовичъ? Но, я боюсь, что скажутъ другіе...

АЛЕКСИМОВЪ.

Если только ты будешь любить меня, если только. . О, да, я горы сдвину съ мѣста, если велить мнѣ моя милая, моя безцѣнная Аннушка, сокровище мое, жизнь моя...

АННА ИВАНОВНА.

Полно-те, полно-те, Александръ Онисимовичъ... Ахъ! постойте, кто-то идетъ: не опять ли этотъ несносный Петръ Ѳедоровичъ!

АЛЕКСИМОВЪ.

Эта ходячая рѣма, этотъ дуралей, этотъ рѣмачъ несносный...

АННА ИВАНОВНА.

Его любовь еще несноснѣ стиховъ его, а

онъ безпрестанно надоѣдаетъ мнѣ своею любовью, которую напѣваетъ прозой и стихами.

АБЛЕСИМОВЪ.

Но, но... Вы могли бы, сударыня, сказать ему, чтобы онъ оставилъ васъ въ покоѣ!...

АННА ИВАНОВНА.

Вотъ хорошо, когда мой опекунъ прочить мнѣ его въ женихи!...

АБЛЕСИМОВЪ.

Въ женихи! А вы до сихъ поръ ничего мнѣ не говорили, и теперь вы говорите это такъ равнодушно!

АННА ИВАНОВНА

Ахъ! Боже мой! Да, для чего же было мнѣ сердить васъ, и будто у насъ не объ чемъ другомъ, говорить, кромѣ Петра Федорыча вашего?..

АБЛЕСИМОВЪ.

Вашъ онъ, сударыня, а не мой — чортъ бы его побралъ совсемъ!.. Ахъ! Боже мой!.. Вотъ новая бѣда... И въ самомъ дѣлѣ — онъ

и стихи пишеть, и такой щеголь, и Александр Петрович его полюбилъ, и дядя его... И она такъ говорить объ немъ... О, я погибъ, погибъ! Ждать мнѣ больше нечего — пойду, утоплюсь, брошусь въ Неву...

АННА ИВАНОВНА.

А вашъ Мѣльникъ?

АБЛЕСИМОВЪ.

Пусть ихъ свищутъ, хвалятъ, дѣлають что угодно !.. Все кончено...

АННА ИВАНОВНА.

И разумѣется кончено: будетъ ли успѣхъ Мѣльнику или нѣтъ, а кромѣ моего Александра ни кому не будетъ принадлежать рука моя.

АБЛЕСИМОВЪ.

Какъ? Что вы говорите? Вы, Анна Ивановна, вы... (голосъ Сумарокова за кулисами: «Да неужели еще не приходилъ Александръ Описимычъ?»)

АБЛЕСИМОВЪ.

Боже мой! Его голосъ! Онъ велѣлъ мнѣ пе-